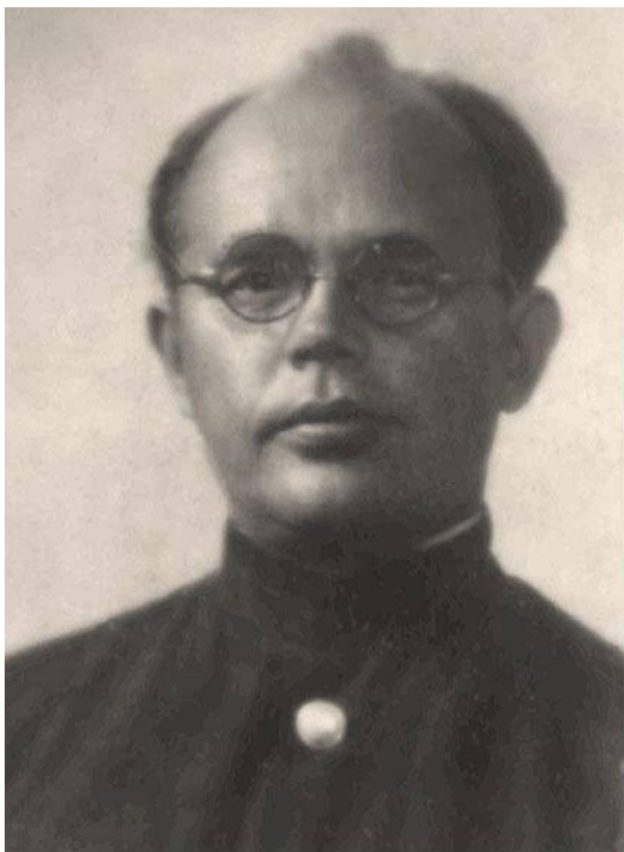

Markianova L., Mensonen A. Opastummo karjalakse. Petroskoi: Verso, 2002. 228 s.
Markianova L., Pyöli R. Sanakirja suomi-karjala. Salmi-Säätiö, 2008. 522 s.

Зинаида Ивановна Строгальщикова
*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

М. М. ХЯМЯЛЯЙНЕН И ВЕПССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ*

С именем ученого-языковеда М. М. Хямяляйнена (1903–1988) связано начало работы не только по исследованию вепсского языка, но также и по созданию вепсской письменности, и подготовке учебной литературы на вепсском языке в 1930-е гг.

М. М. Хямяляйнен

Следует отметить, что М. М. Хямяляйнен является автором первой научной статьи «Вепсский язык» в обобщающем пятитомном труде «Языки народов СССР». Том «Финно-угорские и самодийские языки», в который вошла его статья, был издан в 1966 г. В ней впервые в отечественном языкознании были представлены фонетические, грамматические, лексические особенности вепсского языка, его диалектная система. В последующем М. М. Хямяляйнен подготовил более тридцати научных статей, в которых освещал различные вопросы исторической и синхронной грамматики вепсского, карельского и финского языков. Особо следует подчеркнуть, что он был научным редактором монографии Д. В. Бубриха «Грамматика карельского языка: (Фонетика и морфология)», вышедшей в 1937 г., книги «Образцы вепсской речи», подготовленных М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен, изданной в 1969 г. Вместе с Н. И. Богдановым в 1957 г. подготовил вариант вопросника по собиранию материалов для лингвистического атласа вепсского языка (см. [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 55–59]). Его экспедиционная работа была исключительно

плодотворна. Именно М. М. Хямяляйнен совершил одну из первых научных экспедиций к вепсам по сбору полевого материала в 1959 г. в уже исчезнувшие сейчас вепсские поселения Ленинградской области Печеницы и Куккас [Зайцева 2016: 30].

М. М. Хямяляйнен родился 3 октября (24 сентября по старому стилю) 1903 г. в д. Лукаши Царскосельского уезда Петербургской губернии (ныне Гатчинский район Ленинградской области). По национальности финн-ингерманландец [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 16]. Его отец – Михаил Матвеевич работал кочегаром на древесно-массном заводе и имел земельный надел. Сам М. М. Хямяляйнен писал, что он из семьи рабочего, связанного с землей. В 1931 г. отец вступил в колхоз. Мать Сара Ивановна – домохозяйка. В семье было девять детей, в годы гражданской войны трое умерли от тифа [Матвеев].

Языковые проблемы для Матти Хямяляйнена начались со школы. В 1912 г. он пошел в Ала-Пурсковскую сельскую школу, где дети и учитель – Адам Павлович Хирвонен – были

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 02252014 «Очерки по этнографии народов Карелии: карелы, вепсы, русские».

финнами, но обучение проводилось на русском языке. Официально на двух языках (русском и финском) разрешалось читать и произносить только молитвы на уроках Закона Божьего. При обучении детей из финских семей соблюдать такой порядок было сложно. Русским учительницам, которые заменили А. П. Хирвонена, пришлось выучить финский язык и, нарушая приказы руководства, использовать при обучении детей их родной язык [Матвеев]. Видимо, пережив этот непростой школьный опыт, М. М. Хямяляйнен так настойчиво выступал за обучение детей на родном языке.

С 1916 по 1918 гг. М. М. Хямяляйнен продолжил обучение в двухклассном училище в с. Покровка, расположенном в 10 км от Лукашей. В холодное время года ему приходилось жить в Покровке, в теплую погоду – ходить в училище пешком. По некоторым сведениям училище он не закончил из-за необходимости помогать родителям в содержании большой семьи. В 1920 г. М. М. Хямяляйнен пошел чернорабочим на завод, где работал его отец. На работе он получил производственную травму, стал инвалидом и вынужден был уйти [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 7]. В том же году М. М. Хямяляйнен поступил в Гатчинский педагогический техникум, который закончил в 1924 г. и три года отработал учителем в своей родной школе. В 1927 г. был «откомандирован» на учебу в Педагогический институт им. Герцена на нацменотделение факультета языка и литературы, которое закончил с отличием в январе 1931 г. по специальности «преподаватель финского и русского языков и литературы в средней финской школе» [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 7].

В педагогическом институте им. Герцена его преподавателем был Д. В. Бубрих, который работал здесь с 1920 по 1935 гг. Сначала он преподавал историю русского языка, позднее – современный финский язык [Колпакова 2015: 7]. М. М. Хямяляйнен считал Д. В. Бубриха главным учителем в своей жизни. В период его обучения в институте Д. В. Бубрих уже был профессором, известным ученым-финноугроведом, активным сторонником и участником создания письменностей для финно-угорских народов, много уделял внимания подготовке национальных кадров. В описании своего научного пути Д. В. Бубрих отмечал, что после утверждения «в 1925 г. в качестве профессора по финно-угорскому языкознанию в ЛГУ отдал финно-угорскому языкознанию все силы. Кроме научного интереса, к этому меня побуждало желание быть полезным национальностям Союза, не имеющим достаточных лингвистических кадров» [Жизнеописание]. Поражала необычная работоспособность Д. В. Бубриха: он читал курс финно-угорского языкознания в вузах Ленинграда – педагогическом институте и ЛГУ, заведовал кафедрой в Московском университете, сотрудничал с Научно-исследовательским институтом народов Востока в Москве, с Комиссией по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР (далее КИПС) [Роцевская, Лисевич 2013: 45]. В 1920–1930 гг. в стране шел самый сложный период национально-государственного строительства, требующий специалистов в области гуманитарных наук, и особенно в сфере этнографии и языкознания. Он принимал участие в создании письменности для карелов, вепсов, ижоры, мордвы, удмуртов, марийцев, ханты и манси; в период эвакуации много сделал для развития коми языка [Роцевская, Лисевич 2013: 45]. М. М. Хямяляйнену, в предвоенные годы также часто приходилось одновременно работать в нескольких учреждениях Ленинграда и Карелии.

После окончания Педагогического института М. М. Хямяляйнен был направлен на работу в Карелию, где его назначили заместителем заведующего отделом этнографо-лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института культуры (далее КНИИК). Как пишет М. М. Хямяляйнен, поскольку он в период учебы являлся «выдвиженцем по финно-угорским языкам», его сразу откомандировали для обучения в аспирантуре Яфетического института АН СССР [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 7]. Институтом, который с 29 октября 1931 г. стал называться «Институтом языка и мышления АН СССР» (далее ИЯМ), руководил самый известный в то время в стране языковед, создатель «нового учения о языке» – академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934). Молодой ученый прослушал курс для аспирантов академика Н. Я. Марра, который «в своей сфере – языкознании был всемогущ, как бог», отдавая должное его темпераментному лекторскому таланту, но после-

довательным сторонником его нового учения о языке не стал [Матвеев]. Хотя на первом этапе оно отразилось на его публичной деятельности [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 8]. М. М. Хямяляйнен оставался, как и его учитель Д. В. Бубрих, сторонником традиционного сравнительно-исторического метода в языкознании.

Вместе с тем, пребывание М. М. Хямяляйнена в 1931 г. в Ленинграде стало началом очень важного периода в его жизни. В связи с принятием 14 августа 1930 г. Постановления ЦИК СНК Союза ССР о всеобщем обязательном начальном обучении ленинградские власти приступили к организации работы по созданию письменностей для бесписьменных народов области, поскольку в то время придерживались принципа обязательности освоения грамоты на родном языке, как наиболее эффективном методе обучения [Постановление ЦИК И СНК].

В мае 1927 г. ВЦИК принял постановление о создании Северо-Западного края с центром в Ленинграде. В него включались Ленинградская, Псковская, Новгородская, Череповецкая и Мурманская губернии. Фактически он был образован 1 августа 1927 г., но под названием Ленинградская область. Мурманская губерния стала округом, и являлась анклавом, отделенным от основной части области территорией Карельской АССР [Тархов 2005: 77].

Ленинградская область значительно отставала по темпам коренизации в области языкового строительства по отношению к «культурно отсталым» народам, к которым относили все бесписьменные народы области.

Политика коренизации была принята на XII партийном съезде в 1923 г. и включала целую систему мер, направленных на формирование местной (коренной) национальной элиты и просвещения нерусских народов с целью приобщения их к делу социалистического строительства и обеспечения им равенства с передовыми нациями. В соответствии с конституционно закрепленным принципом самоопределения наций для многих нерусских народов были созданы, именуемые по их названиям национально-государственные (союзные и автономные республики) и национально-территориальные образования (округа).

В числе приоритетных задач находилось содействие развитию малочисленных народов и национальных групп, не имеющих своей государственности или проживающих за пределами своих национальных автономий. В постановлении Третьего съезда Советов СССР (май 1925 г.) «По вопросам советского строительства» Центральному исполнительному комитету СССР поручалось «обеспечить в случае значительной численности национальных меньшинств «образование отдельных Советов с употреблением языков этих меньшинств, организацию школ и судов на родном языке» [Съезды: 82]. Для национальных меньшинств создавалась письменность, особые формы территориальной автономии – национальные районы и сельсоветы [Вдовин 2000]. Ставилась задача перевода в них делопроизводства и школьного образования на языки местных народов, использования родных языков в просветительской и культурной деятельности, организации подготовки национальных кадров, для которых выделялись квоты в учебных заведениях и органах управления.

Такой, выражаясь современной терминологией, преференциальный подход государства к нерусским народам и национальным меньшинствам рассматривался советской идеологией и наукой как ленинская национальная политика. Исследователи отмечают, что данная стратегия всесторонней поддержки этнического разнообразия имела и экономическое измерение: она способствовала преодолению разрыва между центром и её окраинами, развитию человеческого капитала на «национальном» уровне, что укрепляло лояльность к новой власти со стороны нерусского населения страны [Ананьич, Гетрелл 2002: 77–80].

В Ленинградской области работа по образованию национальных сельсоветов и районов проводилась очень активно. Их создавали для всех национальных меньшинств области: финнов-ингерманландцев, эстонцев, латышей, немцев, коми (ижемцев), вепсов, карелов, ижоры, саами, норвежцев при условии, если более 2/3 населения в них составляли представители одной, нерусской, национальности [Смирнова 2000: 73–76].

В Ленинградской области, куда вошли вепские территории Ленинградской и Череповецкой губерний, по Всесоюзной переписи 1926 г. проживало 32 820 вепсов. Из них три четверти вепсов (24,2 тыс.) в Ленинградской области и четверть в Карелии (8,6 тыс.). Для веп-

сов в 1927 г. в Ленобласти был создан Винницкий национальный район. В 1930 г. из 14,1 тыс. его жителей 62,4% составляли вепсы. В нем 7 из 11 сельсоветов получили статус национальных, к 1936 г. число национальных сельсоветов возросло до 9. К ним отнесли еще Винницкий и Каргинский сельские советы. Остальные 15 национальных вепских сельсоветов входили в состав соседних смешанных районов (в Оятском – 2, Шольском – 2, Ефимовском – 4, и 7 в Оштинском). Всего в 24 национальных вепских национальных сельсоветах проживало 90% вепского сельского населения [Смирнова 2000: 76]. Родным вепский язык был указан у 93,5% вепсов Ленинградской области и у 98% вепсов Карелии. Национальное районирование проводилось с целью создания наиболее эффективной школьной сети с учетом обеспечения преподавания в начальной школе на родных языках. В Ленобласти бесписьменными являлись ижора, вепсы, карелы, саами, воль [Смирнова 2000: 156].

Первое совещание по вопросам создания письменностей для культурно отсталых народов области с участием Д. В. Бубриха состоялось в учебно-методическом центре отдела Ленинградского областного отдела народного образования 7 января 1931 г. [Королькова 2008: 153]. С докладом выступили Л. Г. Башинджагян (ученый секретарь Яфетического института) и Г. Х. Богданов (аспирант КИПС, преподаватель кафедры финно-угорской филологии филологического факультета ЛГУ). После обсуждения работу по вепскому языку было решено начать по схеме, уже апробированной Д. В. Бубрихом при создании письменностей для мордвы, удмуртов, тверских карелов: провести сбор полевого лингвистического материала и его обработку, подготовить к осени 1931 г. буквари и учебные пособия. Руководителем вепской экспедиции был назначен Г. Х. Богданов (карел), в её состав вошел и Д. В. Бубрих, студент нацменотделения педагогического института им. Герцена А. М. Михкиев (карел) и М. М. Хямляйнен, а также как сопровождающий курсант совпартшколы, вепс И. М. Гирькин. Подготовка к экспедиции велась при поддержке областного отдела народного образования «в ударном порядке» [Королькова 2008: 153].

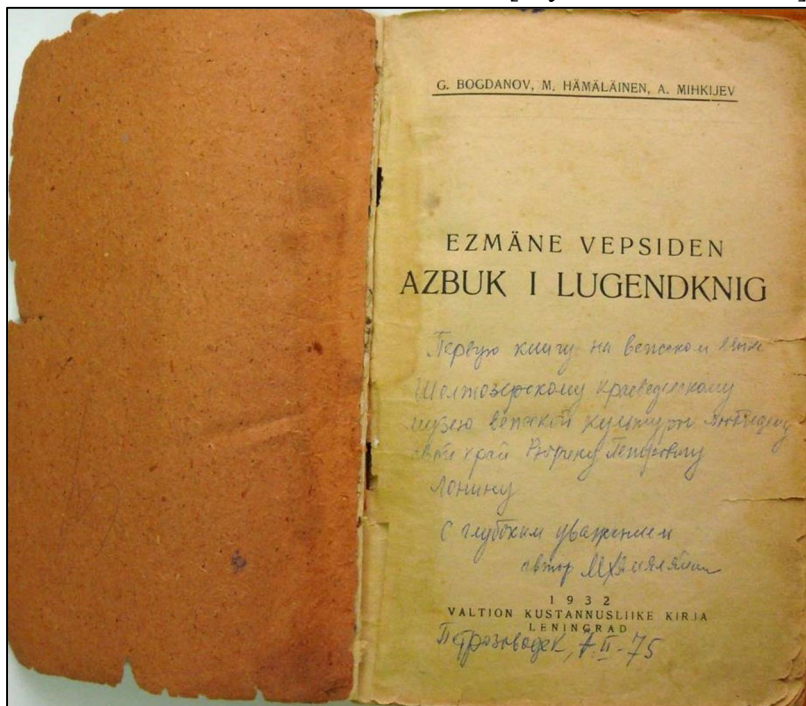
Выезд состоялся 6 марта 1931 г., но Д. В. Бубрих принять участие в экспедиции не смог. Экспедиция завершилась 27 мая. Материал собирали в Оштинском и Винницком районах Ленинградской области и Шелтозерском районе Карелии. Во время экспедиции ее участникам пришлось вести и просветительскую работу о необходимости создания вепской письменности. Как пишет в отчете Г. Х. Богданов, отношение местной власти к сотрудникам экспедиции было неоднозначным. Председатель Винницкого райисполкома, считал, «что работа по созданию вепской письменности – «трата общественных денег», хотя население оказывало «всемерную поддержку» сотрудникам в сборе словарного материала. Иным было отношение к экспедиции Оштинского РК ВКП (б). После ознакомления на выездном бюро с докладом Г. Х. Богданова о работе по изучению вепского языка и создании письменности, райком принял резолюцию: «Для создания необходимых условий в работе экспедиции поручить сельским советам донести до сведения населения цели и задачи работы экспедиции; обязать партячейки и кандидатские группы ВКП (б) и партийцев одиночек, профорганизации, сельские советы оказать работникам экспедиции полную поддержку в порученной им работе». Одновременно в период экспедиции необходимо было организовать набор среди вепской молодежи для обучения будущих управленцев в высших учебных заведениях г. Ленинграда и учителей для создаваемых в 1932 г. вепских отделений Доможировского и Лодейнопольского педагогических техникумах. В резолюцию Оштинского РК ВКП (б) вошел пункт: «С целью подготовки кадров из среды вепсов приступить к выявлению и отправке в областную школу «нацмен» 25 человек» [Королькова 2008:155]. Забегая вперед, отметим, что, возможно, поэтому в группе специалистов и учителей, принявших участие в подготовке вепских учебников, преобладали выходцы из Оштинского района.

В предварительном отчете экспедиции (от 5 мая 1931 г.) Г. Х. Богданов написал: «Экспедицией выявлен тот факт, что, несмотря на наличие в вепском языке значительных сходжений с “западно-финскими языками”, он является самостоятельным языком, поскольку имеет смысловую, грамматическую и звуковую структуру, в общем отличную от звуковой структуры других западно-финских языков» [Королькова 2008: 156]. Как следует из отчета,

участникам экспедиции были известны исследования финских ученых по вепсскому языку, которые М. М. Хямяляйнен проверял в ходе работ [Королькова 2008: 156].

Участники экспедиции являлись авторами алфавита вепсского языка [Матвеев]. Он был создан на латинской основе и включал 28 букв. Известно, что вепсский алфавит был утвержден в 1931 г. Всесоюзным центральным комитетом нового (латинизированного) алфавита при Совете Национальностей ЦИК (далее – ВЦКНА), ответственного за политику «коренизации» в языковой сфере. К работе по созданию алфавитов и языковых норм привлекали самых известных ученых. Возглавлял его известный ученый, проф. Н. Ф. Яковлев, Д. В. Бубрих отвечал за финно-угорские языки [Алпатов 2000: 51].

Вепсская письменность создавалась на базе говоров средневепсского диалекта, распространенного в Винницком и примыкающих к нему деревнях Капшинского и Оштинского районов, с учетом особенностей южного диалекта [Муллерен 1967: 106].

Первая вепсская азбука и книга для чтения с дарственной надписью М. М. Хямяляйнена

Участники экспедиции стали и авторами первого учебника вепсского языка «Ezmäne vepsiden azbuk i lugendknig» (Первая вепсская азбука и книга для чтения). По сообщению М. М. Хямяляйнена, над ней они работали летом 1931 г. в его родном доме, в Лукашах: «...кроме их троих – финна и двух карел, был еще и вепс Иван Гирькин. И в экспедиции и здесь Ваня служил лучше всякого справочника» [Матвеев]. Стремясь закончить букварь к началу учебного года, они работали день и ночь и, как вспоминал М. М. Хямяляйнен, дописав его последние строки ранним утром под звон колокольчиков коров, провожаемых хозяйками в стадо, «...от полноты чувств, пустились в пляс, а Ваня дал жару на балалайке. Они плясали, а в проеме двери стояли родители и, улыбаясь, смотрели на них: «У ребят праздник». Рукопись учебника, как утверждается, потеряли в московском издательстве, и он был опубликован лишь через год – в ноябре 1932 г. [Смирнова 2000: 157].

По этому букварю осваивали вепсскую письменность не только школьники, но и взрослые на курсах по ликвидации неграмотности. С появлением первого учебника вепсского языка открылось 48 пунктов по ликвидации безграмотности.

С 1932 г. при отделе национальных меньшинств Ленобласти был образован Комитет нового алфавита, подчиняющийся ВЦКНА. В его полномочия входили все вопросы по организации перехода на обучение на родные языки ранее бесписьменных народов области: написание и издание учебников и другой литературы на родных языках, подготовка педагогических кадров, организация работы по ликвидации неграмотности и т. д. Для разработки вопросов

научного характера, связанной с переходом на обучение в начальной школе на родной язык, Комитет создал две языковые комиссии: ижорскую и вепскую. Вепскую языковую комиссию возглавил М. М. Хямяляйнен. Была сформирована рабочая группа из десяти человек, в которую вошли Н. И. Богданов – заведующий Оштинского отдела образования, В. И. Петухов – инспектор Оштинского отдела образования, супруги И. Ф. Андреева и Ф. А. Андреев – учителя истории из Пяжозера, переехавшие в 1930 г. в Ленинград; И. А. Силин из Лодейного Поля, уроженец с. Кленозеро, Г. Ф. Большаков – учитель из д. Войлахта, М. Г. Логинов, В. М. Романов, учитель А. М. Михкиев [Муллонен 1967: 107; Богданова, Винокурова 2006: 38–39]. Работа комиссии продолжалась до конца 1937 года и оказалась очень эффективной [Смирнова 2000: 157]. Они готовили книги для чтения на вепском языке, переводили на вепский язык типовые учебники. К 1937 г. на вепском языке было выпущено 32 книги. К 1936 г. в Ленобласти работало 53 вепских начальных школ, и 7 – неполных средних школ. В вепских школах в то время обучалось более 3 тыс. школьников [Смирнова 2002: 159].

В 1932 г. М. М. Хямяляйнена, из-за недостатка научных кадров в КНИИ отозвали из аспирантуры в Петрозаводск. Позднее он с сожалением писал, что ему не дали возможность её закончить [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 7–8].

После активной работы в лингвистической экспедиции над разработкой вепского алфавита, первым вепским учебником М. М. Хямяляйнен стал активным сторонником Д. В. Бубриха, выступающего за права карельского и вепского народов на обучении на родном языке, против сложившейся практики в Карелии обучения карельских и вепских детей на финском языке. В условиях общегосударственной поддержки местных языков ситуация в Карельской АССР выглядела необычной и объяснялась историей её образования. Карельская Трудовая коммуна – её первое название (далее – КТК), создавалась в 1920 г. в соответствии со «статьей 11 Конституции РСФСР о самоопределении» в местах компактного проживания карелов Архангельской и Олонецкой губерний, как национальное образование карельского народа. Вместе с тем, процесс её организации и управления центр передал не карелам, а соратникам по революционной борьбе – финским революционерам (красным финнам), вынужденным после поражения в 1918 г. социалистической революции в Финляндии искать убежища в Карелии. С многими из них (Г. Ровио, Э. Гюллингом, О. Куусиненом и др.) высшие руководители СССР – В. И. Ленин, И. В. Сталин были лично знакомы, скрываясь в Финляндии от преследования царской охранки. По подсчётам историков В. И. Ленин побывал в Финляндии 26 раз и провел здесь в общей сложности около 3-х лет [Коронен 1968: 3]. Э. Гюллинг, возглавлявший карельское правительство с 1920 по 1935 гг., был неординарной личностью. Он являлся депутатом парламента Финляндии, имел степень доктора философии. Его биография вошла в список «Ста замечательных финнов». Её автор, Микко Уола считает его как политика довольно загадочной фигурой для историков [Уола: 168]. В 1918 г. Э. Гюллинг вошел в Совет народных уполномоченных, возглавивший восстание в Финляндии, а после его поражения сумел убедить В. И. Ленина поручить ему создание карельской автономии, представив ему планы по экономическому развитию с помощью компетентного управления. Считают, что его конечной целью было создание Скандинавской Советской Республики, в которую входили бы также Финляндия и Карелия [Уола: 166]. Карелии в его планах отводилась роль плацдарма для осуществления революции в Финляндии [Уола: 168]. В правительстве Э. Гюллинга преобладали «красные» финны, первым секретарем Карельского Обкома комитета ВКП (б) был Г. Ровио. Путь от автономного областного образования – Карельской трудовой коммуны (далее – КТК) к Карельской АССР был пройден за три года: 28 июля 1923 г. КТК была преобразована в КАССР, чему содействовало участие красных финнов в подавлении восстания на севере Карелии [Килян 1999]. В Постановлении ВЦИК об образовании Карельской АССР, официальными языками были признаны русский и карело-финский. Реально под ним понимался только финский язык, поскольку финское руководство было против создания карельской письменности, ссылаясь на существование диалектных различий в речи разных групп карелов. Финнизация усилилась концу

1930-х гг., хотя официально называлась «карелизация». По отношению к северным карелам, язык которых был близок к финскому, она проходила довольно успешно, но среди населения, говорящего на ливвиковском и людиковском наречиях, составлявшего две трети, вызвала недовольство.

После преобразования КТК в КАССР, в её состав вошла и часть вепсской территории, на чём с самого начала автономии настаивало население Ладвинской и Шелтозерско-Бережной волостей Петрозаводского уезда. Их обращения поддерживало и карельское руководство, но решение было принято 3 ноября 1924 г., «по соображениям экономического тяготения к Петрозаводску, как ближайшему центру и родственного племенного состава населения (прионежские вепсы) [НА РК, ф. 323, оп. 1, д. 7/68, л. 20]. В Карелию волость вошла не полностью: примыкающие к р. Свирь д. Гимрека, Щелейки, Шустручей и др. остались в составе Ленинградской губернии. В 1927 г. в Карелии на части Шелтозерско-Бережной волости, отошедшей к Карелии, был создан национальный Шелтозерский район. В нем проживало 8926 человек, из них – 8343 вепсов (93,5%). Вепсов в Карелии наряду с финнами и карелами стали относить к национальному населению республики. Политика «финнизации» позднее стала распространяться и на вепсов, язык которых существенно отличался от финского. Здесь, судя по местной печати, процесс обучения на финском языке шел с трудом: дети слушали финский язык только 2–3 часа в течение дня, а в остальное время они говорят или по-вепски или по-русски» [Красное Шелтозеро 1934].

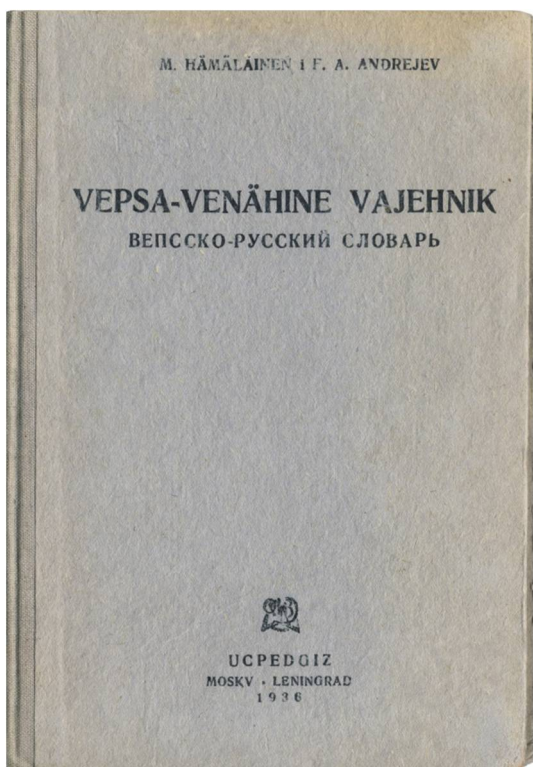
Национальная политика финского руководства в Карелии вызывает много споров у исследователей [Такала 2011]. В языковой сфере она наиболее отчетливо противоречила принципам провозглашаемой коренизации. Создание в 1930 г. карельской письменности для тверских карелов и начало работы по созданию вепсской письменности в 1931 г. ставило под удар финнизацию в Карелии. Г. Ровио в своей статье «Проблема языка в национальной политике АКССР», утверждал о невозможности создания единой карельской письменности из-за диалектных различий. Хотя в стране на рубеже 1920–1930 гг. при наличии диалектных различий у многих ранее бесписьменных народов письменность развивалась иногда и в двух вариантах. Требование создания литературного языка для карелов в Карелии он считал реакционной затеей. Он выступал также и против создания письменного языка тверским карелам. Политически недопустимо, писал он «создание карельского литературного языка вне Карелии – ибо это косвенно осудит установку Карельского правительства в вопросе о языке...» [Ровио 1931].

Между сторонниками Д. В. Бубриха и правительством Карелии, имеющем влиятельных покровителей в центре, развернулась настоящая «языковая война». Д. В. Бубриху удалось летом 1930 г. инициировать рассмотрение вопроса о письменном карельском языке в Карелии на Президиуме Совета национальностей ЦИК Союза СССР. Оно состоялось 25 апреля 1931 г., и, несмотря на тщательную подготовку правительством Карелии доводов в защиту проведения прежней политики, решение было принято не в пользу карельского руководства. Карельское руководство спасли старые связи. Решение Президиума Совета национальностей ЦИК было отменено Политбюро ЦК ВКП (б) [Такала 2011: 144].

В языковую войну оказался втянутым и М. М. Хямляйнен. В своем личном деле он пишет, что при возвращении в Карелию «...у меня возникли большие разногласия принципиального характера с тогдашним карельским руководством. В своей работе, в своих выступлениях (в устных и в печати, поскольку это было возможно), я стал обвинять их в финском национализме. В то время в Карелии ничего нельзя было говорить о новом учении о языке даже в чисто академическом плане. Мои выступления привели к очень острой дискуссии на страницах печати. В частности, мне и проф. Бубриху была посвящена целая книга Н. Rautio «Suomen kielen runtelijoita vastaan» (Против коверкивания финского языка), изданная в Петрозаводске в 1932 г. Она была изъята из обращения в 1934 г. как националистическая. Поводом для этого служила одна моя статья «Suomen kirjakieleen vallankumouksen henkeä» («Больше революционного духа в финский литературный язык»), опубликованная в республиканской газете «Punainen Karjala», № 12.4, 1932 г.». Статья вызвала на страницах печати Карелии самую острую и широкую дискуссию о развитии финского языка в совет-

ских условиях [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 8]. У И. П. Такала этот эпизод в истории языковой политики Карелии представлен как дискуссия между «проповедниками «революционного» обновления финского языка с одной стороны, и сторонниками сохранения «единства финноязычной культуры» с другой: «Так, молодой языковед ингерманландец Матти Хямляйнен выступал за замену «фашистских» финских неологизмов новыми «революционными» словами, а эмигрант Хейно Раутио, наоборот, категорически отвергал наблюдавшиеся в Советском Союзе тенденции «интернационализации» и «русификации» финского языка». По её мнению, несмотря на оживленную дискуссию, результаты намеченных обновлений оказались тогда весьма незначительными [Такала 2011]. В декабре 1932 г. М. М. Хямляйнен был вызван к тогдашним руководителям Карелии – секретарю обкома Г. Ровио и председателю Совнаркома Э. Гюллингу. Как пишет М. М. Хямляйнен: «Мне в очень категоричной форме было предложено отказаться от своих взглядов и выступить с заявлениями на страницах печати. От своих взглядов я не отказался.... В феврале 1933 года меня сняли с работы в Карельском научно-исследовательском институте. Но вместе с тем, мне не дали возможности выехать из Карелии» [Матвеев]. После выхода положения о стабильных учебниках М. М. Хямляйнена направили в издательстве «Кирья» для работы по переводу на финский язык «стабильных» учебников. Отношение со стороны коллег к нему изменилось: после его заявлений о неправильной позиции руководства республики в вопросе о языке, о необходимости учить детей карелов и вепсов на родном языке, а не на финском, его стали считать финнофобом. В этот непростой период 1 мая 1933 г. М. М. Хямляйнен женился. Со своей женой Клавдией Андреевной они прожили 50 лет [Матвеев].

Выехать из Карелии М. М. Хямляйнену помогло ходатайство Ленинградского областного отдела образования. В сентябре 1933 г. он вернулся в Ленинград и стал работать в ЛГУ на кафедре у Д. В. Бубриха, где читал курс финского и вепского языков, став доцентом. В это время он очень много времени уделял вепскому языку: занимался разработкой курса вепского языка для университета, составил общую грамматику вепского языка. Он присоединяется к работе вепской комиссии по подготовке учебной литературы. Ею руководил Н. И. Богданов [Богданова, Винокурова 2006: 38–40].

Работая над вепскими учебниками для начальной школы, он подготовил в 1936 г. в соавторстве с Ф. А. Андреевым «Вепско-русский словарь», насчитывающий около 3 тыс. слов. При его составлении был использован материал первой вепской лингвистической экспедиции.

Правление красных финнов закончилось в 1935 г. Руководители Карельской АССР Э. Гюлинг и Г. Ровио были сняты со своих постов. В период «Большого террора» они были арестованы как лидеры антисоветской фашисткой буржуазно-националистической группировки, осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР и расстреляны. Э. А. Гюлинг был арестован 17 июля 1937 г., расстрелян – 14 июля 1938 г.; Г. Ровио – арестован 9 июля 1937 г., расстрелян – 21 апреля 1938 г [Белоусов 2010: 111]. Их обвиняли также в ошибочной языковой политике, противодействию развитию карельского и вепского языков. Причиной репрессий считают обострение отношений с Финляндией. В преддверии второй мировой войны руководство СССР рассматривало Карелию и Ленинградскую

область в качестве возможного театра военных действий. С середины 30-х гг. XX в. началась ее «зачистка от политически неблагонадежных элементов» и «местных националистов», ос-

нову которых, по мнению карательных органов, составляли финны и выдвигенцы из карелов и вепсов в период финской карелизации [Килин 1999: 145].

После изменений в руководстве Карелии М. М. Хямялайнен с конца 1936 до осени 1938 г. работает в КНИИ заведующим лингвистической секции, оставаясь преподавателем в ЛГУ. В сентябре 1937 г. в Карелии было принято Постановление Совета Народных Комиссаров Карельской АССР «О переводе карельских и вепских школ на родной язык» [Постановление 1937].

М. М. Хямялайнен принимает активное участие в процессе перевода школ с карельским и вепским составом на обучение на родных языках. Он настойчиво пропагандирует опыт Ленинградской области для организации преподавания на родном языке для вепсов в Шелтозерском национальном районе Карелии. В статье «Не пора ли заняться вепским языком», опубликованной 17 июля 1937 г. в газете «Красная Карелия», М. М. Хямялайнен, рассказывая об успехах достигнутых в Ленинградской области по организации преподавания на родном языке у вепсов, фактически подводит итоги деятельности вепской комиссии: *«На вепском языке изданы все учебники для всех 4-х классов начальной школы. Разработаны единые нормы вепского литературного языка. Имеется грамматика вепского языка. В прошлом году издан Вепско-русский словарь. Можно сказать, что создана прочная база для дальнейшего развития вепского литературного языка. В этом году “Детиздатом” будет выпущено 8 названий детской художественной литературы на вепском языке. Предполагается перевести на вепский язык Конституцию СССР и речь тов. Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов. Переведен на вепский язык ряд революционных песен. Если до создания вепской письменности вепские учителя насчитывались единицами, то за последние 5 лет число вепских учителей возросло так, что почти во всех школах преподавание проводится на родном языке. Правда, большая часть вепских учителей не имеет специальной подготовки, но и этот пробел будет ликвидирован в недалекое время. В Лодейнопольском педтехникуме уже несколько лет существует вепское отделение, где готовят учителей для вепских школ. На этом отделении в настоящее время учится 68 человек. Уже в прошлом году состоялся первый выпуск этого отделения. Можно смело сказать, что уже в ближайшее время все вепские школы будут обеспечены вполне квалифицированными кадрами. На 4-м курсе финно-угорского цикла лингвистического факультета Ленинградского института философии, истории, литературы и лингвистики учатся 3 студента вепса, которые будут работать в области вепского языка»*. [Красная Карелия 1937: 17 июня].

На несколько месяцев в Карелии удалось организовать преподавание в школе на вепском языке. Решение о переводе вепского языка с латиницы на кириллицу было принято. На новом алфавите в период с 9 июля по 25 сентября 1937 г. в газете Шелтозерского района «Красное Шелтозеро» публиковались сообщения и заметки на вепском языке [Красное Шелтозеро 1937: 14, 20, 25 июля]. Преподавание на вепском языке в школах Шелтозерского района продолжалось с осени 1937 до конца года. С первого полугодия 1938 г. обучение во всех вепских школах в Ленинградской области и Карелии было переведено на русский язык.

Период коренизации оказался недолгим. В этой связи очень показательны высказывания Л. Д. Троцкого, выступавшего в дебатах по национальному вопросу при формировании принципов политики коренизации еще в 1923 г. на XII съезде ВКП (б). Он заявил, что «...национальность вообще не логичное явление, ее трудно перевести на юридический язык», поэтому единственным «суперарбитром» в национальном вопросе выступает партия [Троцкий 1991: 171]. Оно весьма точно отражает стиль управления в СССР в сфере международных отношений. Такой подход, придавал непредсказуемый характер этнонациональной политике, где определяющее значение имели программные заявления и решения руководителей страны, отражающие смену приоритетов во внешней и внутренней политике страны, а не статьи Конституции, гарантирующие получение образования на родном языке. На деятельность государства в области национальной политики, по мнению исследователей в то время оказывал влияние «синдром осажденной крепости» в соединении с ожиданием неизбежной и скорой агрессии..., что и вызывало к жизни целый ряд решений сталинского руко-

водства, осуществление которых повлекло разнонаправленные результаты и последствия» [Красильников 2012: 9–10].

Репрессии не обошли М. М. Хямяляйна. В автобиографии об этой черной полосе в своей жизни он написал кратко: «В сентябре месяце 1938 г. был арестован органами государственной безопасности. Я находился в тюрьме под следствием до марта 1940 г. Из-под следствия был освобожден в связи с прекращением моего дела и полностью реабилитирован» [НА КарНИЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 9]. Д. В. Бубриха и М. М. Хямяляйна обвинили в проведении политики финнизации в Карелии, хотя они являлись самыми её известными противниками. В Карелии в то время шла активная работа под руководством Д. В. Бубриха над письменным карельским языком [Нагурная 2015: 262–264]. Д. В. Бубрих был арестован 9 января 1938 г. в Ленинграде. Его признали иностранным шпионом нескольких разведок и приговорили к расстрелу. Перед своим освобождением осенью 1939 г. он просидел 70 суток в одиночной камере [Керт 2000: 88–89].

М. Хямяляйна по поручению НКВД Карельской АССР арестовали 7 сентября 1938 г. в родительском доме, в Лукашах. Его обвиняли в том, что летом 1936 г. он был участником «...возглавляемой проф. Бубрихом – ныне разоблаченный финский шпион и руководитель контрреволюционной организации», лингвистической экспедиции по Карелии, которую Д. В. Бубрих использовал в целях финнизации Карелии и ликвидации в ней русского и карельского языков». В 1938 г. М. Хямяляйна, «работая над учебниками карельского языка, в контрреволюционных целях всячески тормозил издание этих учебников, протаскивал установки врага народа Бубриха, ограничивая карельский язык до уровня первобытного» [Белоусов 2010: 108]. По материалам первого допроса (17 ноября 1938 г.), от показаний которого он впоследствии отказался, сообщив прокурору Карельской АССР Михайлову, что они получены под физическим давлением следствия (избиений, «стойки по 60 часов», угрозы расстрелом), М. Хямяляйна признал себя участником т. н. «буржуазной националистической группы, связанной с фашистскими кругами Финляндии – членами Карельского Академического общества (КАО) [Белоусов 2010: 109]. По версии следствия группа под руководством КАО с 1932 г. вела враждебную деятельность на отторжение Карелии от Советского Союза и присоединение её к буржуазной Финляндии. Националистическим гнездом являлась угро-финская кафедра Ленинградского университета, а Д. В. Бубрих – её идеологическим вдохновителем. Они обосновывали идею «Великой Финляндии», маскируя её идеей «Великой Карелии», что позволяло «научно обосновывать» проводимую финнизацию [Белоусов 2010: 108]. Роль связного с КАО отводилась М. Хямяляйнену, сопровождавшего летом 1934 г. финляндских исследователей – Л. Кеттунена, Л. Пости и П. Сиро в экспедиции к вепсам. В 1935 г. М. Хямяляйна встречался с Л. Пости в Ленинграде, которому, по версии следствия, передал отчет о деятельности буржуазной националистической группы в Карелии. Сам М. Хямяляйна заявлял, что встречи и переписку с гражданином Финляндии Л. Пости вел «...по согласованию с ленинградским Управлением НКВД». В контрреволюционную группу включили и бывших руководителей Карелии – Э. Гюллинга и Г. Ровио, с политикой финнизации которых до их отстранения от власти в сентябре 1935 г. Д. Бубрих и М. Хямяляйна боролись [Белоусов 2010: 108].

Дело «О карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации» разрасталось за счет вовлечения в него «буржуазных националистов» из созданного 9 июля 1937 г. в Калининской области Карельского национального округа. Второй секретарь Карельского Обкома Д. П. Смирнов, председатель карельской терминологической комиссии был родом из тверских карелов и бывал на родине. Д. П. Смирнова арестовали в ноябре 1938 г. [Белоусов 2010: 108].

В Карельском округе по «карельскому» делу было арестовано 67 человек, в основном карельская интеллигенция и работники советских органов национального округа [Виноградов 1991: 16].

Серьезность обвинений нарастала: следствие установило, что конечная цель буржуазно-националистической организации сводилась не только к присоединению в момент интервен-

ции Карельского национального округа и АКССР к буржуазной Финляндии, но и включала в себя идею с помощью уже сформированных повстанческих отрядов проведение террористических актов против тов. Сталина, Молотова, Кагановича и Андреева [Белоусов 2010: 109]. Все материалы по карельскому делу были объединены в следственное дело № 0048 и переданы в Москву сотрудникам следственной части НКВД СССР, возглавляемой комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Б. Кобуловым. В начале 1939 г. М. Хямляйнена и Д. Смирнова перевели в Бутырскую тюрьму Москвы [Белоусов 2010: 109].

Готовился громкий политический процесс. По мнению В. Виноградова, изучившего архивы по «карельскому делу» в Калининской области, процесс сорвался в немалой степени, благодаря мужественной гражданской позиции арестованных. С апреля 1939 г. многие из них, как и М. Хямляйнена, посылали обращения к руководителям НКВД и прокуратуру, отказываясь от показаний, полученных под давлением следствия, приводя описания бесчеловечного обращения с заключенными [Виноградов 1991: 21–22, 27].

По инициативе следствия из числа научных работников и педагогов Карелии в декабре 1938 г. была образована экспертная комиссия по делу «антисоветской буржуазно-националистической группы». В представленном ею в апреле 1939 г. акте экспертизы следствие усмотрело много противоречий. Б. Кобулову было доложено: «Совершенно непонятно с показаниями и в отношении Хямляйнена. Одни следственные документы указывают на то, что он извращал карельский язык, другие ... боролся с лицами, извращающими карельский язык.... Показания арестованных участников буржуазно-националистической организации противоречивы и требуют перепроверки». М. Хямляйнена обвинил экспертов в незнании ими ни финского, ни карельского языков [Белоусов 2010: 109].

Вторая экспертная комиссия, созданная через полгода – 19 июня 1939 г., вину разработчиков карельского литературного языка М. М. Хямляйнена и Д. П. Смирнова усмотрела в том, что ими «отдавалось предпочтение формам, сходным с финскими и финской грамматикой, ... что привело «к искажению, засорению языка и фактическому срыву литературного языка для карел Карельской республики» [Белоусов 2010: 110]. 26 июля 1939 г. Б. Кобулов утвердил обвинительное заключение, в котором утверждается, что Хямляйнена и Смирнов изблечены показаниями свидетелей и свою вину признали. Дело было представлено на обсуждение Особого совещания» [Белоусов 2010: 110].

Но политические реалии в стране поменялись, от заключенных продолжали поступать отказы от своих показаний, начались процессы против вредителей в органах НКВД. Затягивание процесса в период Большого террора, оказалось спасением для заключенных по «карельскому делу». По всей вероятности, с началом Советско-финской войны, интерес к карельскому языку пропал: официальным во вновь образованной союзной Карело-Финской ССР становился финский язык.

26 февраля 1940 г. уголовное дело по обвинению Хямляйнена М. М. и других участников карельского дела было прекращено, и обвиняемые по нему в начале марта вышли на свободу [Белоусов 2010: 111]. Решение прокурора, что для столь многочисленной группы лиц, длительное время находящихся под следствием, нет «достаточных оснований для предания суду», фактически означало признание их невиновности. Такой эпизод в период Большого террора, как считает К. Ф. Белоусов, следует признать достаточно редким явлением, и «можно объяснить только одним – изменением обстоятельств и, следовательно, политической целесообразностью» [Белоусов 2010: 111]. В период следствия по подсчетам В. Виноградова шесть человек, задержанных по карельскому делу, умерли в тюрьме [Виноградов 1991: 28].

Во время войны одну зиму до 1942 г. М. М. Хямляйнена жил в блокадном Ленинграде. С марта 1942 г. по май 1944 г. служил переводчиком в Красной Армии. В 1944 году был переброшен через линию фронта на спецзадание, в мае 1944 г. попал в плен, в октябре 1945 г. вернулся на родину. До декабря 1945 г. проходил государственную проверку в Сталиногорске (Московская область). Вернуться к научной работе в Институте он смог только в 1947 г. и проработал до выхода на пенсию в апреле 1964 г. [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 18].

В силу разных обстоятельств, в том числе и политических репрессий в конце 1930-х годов, а также войны, М. М. Хямяляйнен не защитил кандидатскую диссертацию. В Институте с перерывами он проработал около 20 лет. В 1953 г. была утверждена тема его диссертации «Морфологическая система (склонение и спряжение) средневепского диалекта вепского языка», подготовлен план-проспект работы [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 22–28], но она не была завершена.

В 1962 г. известные ученые – доктор филологических наук, заведующий сектором финно-угорских языков Института языкознания АН СССР В. И. Лыткин, профессор Тартуского университета, академик П. Аристе выступили с предложениями о присуждении ему ученой степени кандидата филологических наук по совокупности работ, без защиты диссертации. П. Аристе в представлении особо отметил, что «...его учебники вепского языка являются ценным неисчерпаемым источником лингвистического материала всем финно-угроведам» [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 60–62]. К сожалению, предложения о присуждении ученой степени М. М. Хямяляйнену не реализовались, но его вклад в прибалтийско-финское языкознание, его активная деятельность по развитию вепского языка, отстаивания прав народов на обучение на родном языке вызывает огромное уважение.

Литература

Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. 2000.

Ананьич Б., П. Гетрелл. Национальные и вненациональные измерения экономического развития России в XII–XX вв.) // *Ab Imperio*. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. Казань. 2002. № 4.

Белоусов К. Ф. Лингвист ≠ Фашист, или Дело о не состоявшемся процессе // *Клио*. 2010. № 2.

Богданова Г. И., Винокурова И. Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения) // *Современная наука о вепсах: достижения и перспективы*. Петрозаводск. 2006.

Вдовин А. И. Российский федерализм и «Русский вопрос» // *Вестник МГУ*. 2000. № 5. См.: <http://www.vybory.ru/nauka/0100/vdovin.php3>

Виноградов В. Карельское «дело». Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». Тверь. 1991. 39 с.

Жизнеописание – Жизнеописание Дмитрия Владимировича Бубриха. Воспроизведено по личному делу, хранящемуся в архиве ИЛИ. 28 октября 1934 г. // <https://iling.spb.ru/pdf/liudi/bubrih.html>

Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск. 2016.

Керт Г. М. Величие и трагедия таланта // *Очерки по карельскому языку*. Петрозаводск. 2000. 111 с.

Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства 1920–1941. Петрозаводск, 1999.

Королькова Л. В. Из истории создания вепской письменности (лингвистическая экспедиции Г. Х. Богданова 1931 года) // *Вепсы на рубеже XX–XXI веков*. Петрозаводск, 2008.

Колпакова Н. Н. Д. В. Бубрих: открывая заново (к 125-летию со дня рождения) // *Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере»*. Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г.

Коронен М. М. В. И. Ленин и финские революционеры // *Вопросы истории*. 1968. № 10.

Красильников С. А. Депортации как индикатор социальных катастроф в СССР // *Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. научных статей*. Новосибирск, 2012. С. 9–10.

Красное Шелтозеро. 1934. 23 июня.

Красное Шелтозеро. 1937. 14, 20, 25 июля; 15, 18, 22, 27 августа, 4, 25 сентября.

Матвеев – Матвеев Б. Слово об истории слова. Исторический очерк о судьбе человека и его дела // *Комсомолец*. 1988. 17 декабря.

Микко Уола. Сто замечательных финнов // http://www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf
Муллеронен М. И. Вепсская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967.

Нагурная С. В. Роль Д. В. Бубриха в создании единого литературного языка // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г. Петрозаводск. 2015. С. 259–266.

Ристо Богданов и его статья // <http://www.voinitsa.ru/pages/art271.aspx> (см. о Г. Х. Богданове).

Постановление 1937 – Постановление Совета Народных Комиссаров Карельской АССР «О переводе карельских и вепских школ на родной язык обучения» от 21 сентября 1937 года // НА РК. Ф. 630. Оп. 6. Д. 13/39. Л. 115, 116.

Постановление ЦИК и СНК – Постановление ЦИК И СНК Союза ССР о всеобщем обязательном начальном обучении. 14 августа 1930 г. // http://museum.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=13463&ob_no=13464

Ровио Г. Проблема языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1931. № 1–2.

Рощевская Л. П., Лисевич Н. Г. Финно-угровед Д. В. Бубрих. «...Во время моего трехлетнего пребывания в Коми АССР» // Финно-угорский мир. Саранск, 2013. № 4.

Смирнова Т. М. Национальность – Питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX век. СПб., 2002.

Съезды – Съезды Советов в документах. Т. 3. М., 1960.

Такала П. И. Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв. Тарту, 2011.

Тархов С. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005.

Светлана Валерьевна Коробейникова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ: ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА – А. М. МИХКИЕВ

В конце 20-х годов XX века создавались учебники и учебные пособия на языках младодописьменных и бесписьменных народов, в том числе финно-угорских, и ведущую роль в их создании играл Д. В. Бубрих и группа ученых под его руководством, работавших в Ленинграде, Ленинградской области и в Карелии. Среди них были учителя, аспиранты и молодые ученые, их имена и научные достижения хорошо известны: М. Хямляйнен, Н. Богданов, Ф. Андреев и др. Однако, имя Алексея Михайловича Михкиева, которое стоит рядом с именами Н. И. Богданова и М. М. Хямляйнена на обложке первой азбуки на вепском языке, упоминается в связи с подготовкой материалов для создания «Диалектологического атласа карельского языка», подготовленного еще в 1930-е годы, а изданного в 1997 году в Хельсинки, остается пока лишь одним из имен в общем списке. И все же, А. М. Михкиев, как яркий представитель своего поколения, стоявший у истоков создания карельской и вепской письменности, достоин того, чтобы о нем помнили современные исследователи.

На долю поколения родившихся в начале XX века выпали тяжелые испытания, в судьбе каждого отражаются перипетии истории страны.

А. М. Михкиев родился в 1907 году, в деревне Погранкондуши, на самой границе с Финляндией, тогда еще являвшейся Великим Княжеством Финляндским. Семья не была богатой, но почти все дети получили возможность учиться. Старшая, Мария Михкиева (Михкинен), училась в Сортавальской учительской семинарии, и дома во время каникул